Международные процессы, Том 16, № 1, сс. 146–159
DOI 10.17994/IT.2018.16.1.52.12

НЕЗАПАД В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ МИРОУСТРОЙСТВА

КСЕНИЯ ЕФРЕМОВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются теоретические подходы к формированию современного мироустройства. В частности, подробно разбираются три базовых подхода к анализу дилеммы безопасности: конфронтационный, кооперационный и консенсусный, — каждому из которых соответствует собственная логика. Первый подход опирается на логику фатализма. Согласно ей взаимное недоверие между странами ведёт к силовому балансированию и неизбежным войнам, определяющим характер мирового порядка. Второй подход, отражающий современное состояние глобальной мировой системы, опирается на стремление к снижению угроз за счёт посредничества международных институтов. Согласно ей взаимное недоверие между странами может быть ослаблено благодаря их совместному участию в международных режимах и организациях. Третий подход, нацеленный в будущее, предполагает радикальное преодоление взаимного недоверия между странами за счёт ликвидации национальных государств как таковых. На примере восточных (и, шире, незападных) обществ показано, как политические, экономические и социокультурные импульсы-вызовы трансформируют сложившуюся систему международных отношений, размывая понятие государственного суверенитета. Вместе с тем многие государства активно противодействуют этому процессу, предпринимая дипломатические усилия по предотвращению эрозии Вестфальского порядка. Эти усилия способны притормозить, но не остановить естественный процесс распада прежней, модерновой организации мира и формирования на его месте новой системы постмодерна, основанной на взаимозависимости государств и наций. Становлению нового мирового порядка способствует необходимость поиска ответов на такие глобальные угрозы, как терроризм, ядерное распространение, бедность, голод, эпидемии инфекционных заболеваний, вынужденная и нелегальная миграция, торговля людьми, детский труд, секс-индустрия, гендерная дискриминация, которым ни одно государство (включая США и их ближайших союзников) не может противостоять в одиночку.

Ключевые слова:

мировой порядок; конфронтация; кооперация; консенсус; Незапад; безопасность; суверенитет; постмодерн; реализм; конструктивизм; институционализм; неомарксизм; анархизм.

Многие российские эксперты полагают, что наступившее столетие станет «веком Азии» [Караганов, Барабанов, Бордачёв 2012: 9; Силаев, Сушенцов 2018: 4–5]. Вопрос заключается в том, как именно азиатские (и в целом незападные) государства примут от Запада глобальную эстафету лидерства в политике, экономике и идеологии. Можно предположить, что за сменой доминантной державы последует и смена «правил игры» – иными словами, произойдёт трансформация мирового порядка, сложившегося после распада биполярной системы. Выявление основных параметров данной трансформации представляет безусловный интерес для политолога. В этой связи представители различных направлений в исследованиях международных от-

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: efremova.ksenia@gmail.com

ношений предлагают различные трактовки понятия «мировой порядок», по-разному оценивают актуальные и потенциальные вызовы ему, дают неодинаковые прогнозы будущего глобальной системы международных отношений.

Британские исследователи Кен Бут и Николас Уилер [Booth, Wheeler 2008] выделяют три базовых подхода к анализу эволюции международных отношений. Первый, унаследованный от прошлого, в сущности представляет собой разновидность фатализма. Взаимное недоверие между странами приводит к силовому балансированию и неизбежным войнам, определяющим характер существующего – конфронтационного – мирового порядка. Второй подход, отражающий современное состояние глобальной мировой системы, опирается на логику снижения угроз за счёт посредничества международных институтов. В соответствии с ней взаимное недоверие между странами может быть ослаблено в результате их совместного участия в международных режимах и организациях. Наконец, третий подход, ассоциируемый с будущим развитием международной системы, предполагает радикальное преодоление взаимного недоверия между странами за счёт ликвидации национальных государств как таковых [Ефремова 2016].

Говоря о вызовах современному миропорядку, которые исходят из отдельных регионов мира, следует подчеркнуть их разноплановый характер (они проистекают не только из политических противоречий, но и из экономической, демографической, религиозно-идеологической сфер общественного взаимодействия). При этом каждый из выделенных Кеном Бутом и Николасом Уилером подходов к организации глобального порядка – конфронтационный, кооперативный и консенсусный – рассматривает в качестве вызовов строго определённый круг проблем, которые можно подразделить с точки зрения их внутренней логики на (1) силовые, (2) ценностные и (3) нетрадиционные.

В случае конфронтационного подхода основные угрозы связаны с логикой силового противостояния – это в первую очередь появление ревизионистских держав и иных влиятельных сил, ставящих под угрозу сложившийся статус-кво. Для кооперативного – главным вызовом выступает отсутствие единых норм и ценностей, регулирующих поведение международных субъектов, а для консенсусного – проблемы глобальной безопасности и устойчивого развития, включая нетрадиционные: демографические, экологические.

Теоретики, работающие в русле того или иного подхода, фокусируют внимание лишь на части глобальных проблем, с которыми сталкивается сегодня мировое сообщество, упуская из виду другие и не менее важные. В силу методологических ограничений ни одна из конкурирующих школ международных отношений не способна дать исчерпывающую картину современных мировых политических процессов и вызовов, стоящих перед человечеством. Для того чтобы охватить их в комплексе, необходимо последовательно рассмотреть все три подхода, раскрывая их внутреннюю логику и сопровождая наглядными примерами. В данной статье мы попытаемся проиллюстрировать теоретические положения конфронтационного, кооперативного и консенсусного подходов на конкретном регионально-страновом материале, чтобы понять, как современные тенденции преображают глобальный политический ландшафт.

1

Логика конфронтационного мировоззрения восходит к Тридцатилетней войне (1618–1648), по итогам которой был подписан Вестфальский мир, закрепивший принцип суверенного равенства нарождающихся европейских государств. Сложившаяся на его основе система международных отношений подразумевала, что правительства, обладающие всей полнотой власти в пределах собственных территорий, взаимодействуют между собой в условиях анархии, то есть отсутствия верховного арбитра, регулирующего их взаимодействие. Таким образом, сфера международных отношений представала классической аре-

ной «войны всех против всех», описанной Томасом Гоббсом. Слабые государства объединялись, чтобы дать отпор более сильному агрессору, но их союзы распадались, как только непосредственная угроза устранялась. Взаимное недоверие подталкивало правительства к неуклонному наращиванию национальной мощи, вынуждая их принимать внешнеполитические решения, направленные на минимизацию потенциального ущерба и максимизацию собственной выгоды. Такая стратегия получила название «игры с нулевой суммой».

Вестфальский миропорядок (или, как ещё его называют, миропорядок модерна) основывался на взаимном силовом уравновешивании – балансе сил – ведущих государств, оставляя игрокам второго плана возможность маневрировать между великими державами или примыкать к потенциальному гегемону. Складывающиеся при этом силовые конфигурации были, как правило, неустойчивыми и непредсказуемыми, а попытки неудавшихся гегемонов взять реванш за поражение дважды приводили к мировым войнам, кардинально ломавшим сложившуюся систему международных отношений. Тем не менее теоретизирование в духе *реалполитик* остаётся весьма влиятельным направлением в изучении современного мироустройства. Дань ему отдали не только именитые зарубежные аналитики (Г. Киссинджер, З. Бжезинский), но и ведущие отечественные эксперты (А.А. Кокошин, С.В. Кортунов, В.А. Никонов). Как отмечает российский исследователь М.Ю. Панченко, «в 2000-е годы реалистский подход стал, по сути, основой доктрины национальной безопасности России» [Панченко 2009: 6].

По мнению классика английской школы Хедли Булла, мировой порядок представляет собой «модель или характер человеческой деятельности, которые поддерживают базовые или приоритетные цели социального общежития для всего человечества» [Bull 2002: 19][1]. Х. Булл также ввёл понятие «мировой беспорядок», описывающее состояние войны, влекущей за собой распад мировой социально-политической и экономической архитектоники. В его трактовке термин «мировой порядок» шире, чем «международный порядок», поскольку охватывает глобальное взаимодействие не только государств, но и негосударственных субъектов субнационального и наднационального уровня [Bull 2002: 21][2]. Вместе с тем суверенные государства и их конфигурации по-прежнему остаются для последователей различных направлений реализма базовой единицей анализа.

Основоположник «наступательного реализма» Джон Миршаймер, описывая взаимоотношения между великими державами в духе фаталистской логики, утверждает, что в условиях международной анархии лучшая защита – это нападение: государствам следует быть готовыми к тому, что каждое из них может пасть жертвой более сильного соперника, и потому необходимо всемерно наращивать собственную мощь, не считаясь с опасениями соседей [Booth, Wheeler 2008: 34–38]. В отличие от Дж. Миршаймера теоретик «оборонительного реализма» Роберт Джервис полагает, что государства, не претендующие на роль гегемона, должны вооружаться настолько, насколько это необходимо для сдерживания потенциального агрессора, но не более. Согласно Р. Джервису сократить издержки гонки вооружений можно, ограничив военный арсенал оборонительными средствами. Отказ от наступательных вооружений, по его мнению, будет интерпретирован другими странами как свидетельство миролюбивой политики, что поможет ослабить международную напряжённость [Booth, Wheeler 2008: 45–50].

[1] Из современных определений сошлёмся на формулировку Н.М. Сироты: «Мировой порядок понимается нами как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы» [Сирота 2013: 158].

[2] Обоснование альтернативной точки зрения см. у А.Д. Богатурова [Богатуров 2003: 6–7].

Альтернативой вышеозначенным подходам выступает теория «гегемонистской стабильности», описанная Робертом Гилпином. В согласии с ней именно присутствие доминирующей державы, превращающее систему международных отношений из анархической в иерархическую, гарантирует поддержание мира и стабильность. Как только гегемон ослабевает настолько, что у него появляется соперник, мир возвращается к непредсказуемой модели силового балансирования, чреватой вооружёнными конфликтами [Gilpin 1988: 592].

Что же, с точки зрения приверженцев конфронтационного подхода, выступает вызовом миропорядку, основанному на взаимном силовом уравновешивании? В первую очередь появление государств, стремящихся к мировому лидерству и нарушающих тем самым существующий статус-кво. В начале XXI в. на роль великих держав с глобальными амбициями начинают претендовать два азиатских гиганта – Китай и Индия. По словам отечественного синолога А.Д. Воскресенского, «Китай всегда был стороной, страдавшей от структурно-экономического лидерства Запада и никогда не скрывавшей своего недовольства прошлым и настоящим положением дел» [Воскресенский 2004: 26]. Вместе с тем «КНР создала такой [военный, экономический, идеологический и информационный – *прим. К.Е.*] задел, к которому не смогло приблизиться ни одно другое государство регионального уровня. Причём этот задел создан так корректно и осторожно, что это не вызвало открытого противодействия других государств и тем более образования антикитайской коалиции» [Воскресенский 2004: 30]. Аналогичным образом Индия, демонстративно проведя в мае 1998 г. испытания ядерного оружия, сумела убедить нынешнего мирового лидера – США в мирном характере своей ядерной программы, что позволило ей и далее наращивать военную мощь, не подвергаясь международному остракизму [Лунёв 2012: 95].

Тем не менее аналитики-реалисты из Китая и Индии с подозрением смотрят на возвышение друг друга, опасаясь наращивания военной мощи амбициозного соперника в непосредственной близости от своих границ. Особую остроту их опасениям придаёт нерешённость территориальных споров. Конфликт Индии и Пакистана вокруг Кашмира, в который непосредственно вовлечена КНР, уже более полувека остается главным источником напряжённости в регионе. Китай, в частности, предъявляет претензии на земли Аксай Чина (38 тыс. км^2), являющиеся частью Ладакха (область на северо-востоке Джамму и Кашмира), а также на территорию индийского штата Аруначал-Прадеш (90 тыс. км^2). Пограничный вопрос остаётся самой болезненной темой в отношениях Индии и Китая. Судя по их заявлениям, обе стороны убеждены в глубокой обоснованности своих претензий на спорные территории и не склонны идти на политические уступки друг другу [Ефремова 2001: 39–41].

Между тем опасения алармистов, выдержанные в духе конфронтационной логики, представляются чрезмерными. Несмотря на существующие между Китаем и Индией противоречия, в ближайшем будущем конфликтный потенциал, имеющийся в отношениях двух азиатских гигантов, вряд ли будет актуализирован. Пекин и Нью-Дели нуждаются друг в друге, чтобы совместно противостоять глобальной гегемонии США. В этом плане показательно участие обеих стран в БРИКС – неформальном диалоговом форуме держав, выступающих за построение нового мирового порядка, основанного на принципе многополярности. Впрочем, с позиций реалистской теории такой порядок был бы неустойчивым, так что по сути речь идёт, скорее, об ограничении американского доминирования при сохранении «плюралистической однополярности» [Богатуров 2003: 12].

Как полагают отечественные исследователи М.О. Гузикова и Д.И. Победаш, в среднесрочной перспективе «мир будет разделён на большие регионы с одним центром силы внутри каждого. Эти региональные образования будут иметь общую идео-

логию, разделять видение на то, как должен быть устроен мир внутри этих крупных регионов, но общей концепции, модели и правил того, каким образом эти регионы будут взаимодействовать между собой, пока не вырисовывается» [Гузикова, Победаш 2015: 41]. Скорее всего, в многополярном мире США продолжат играть роль глобального регулятора, устанавливая правила игры для региональных держав и тем самым снижая риски «войны всех против всех» [Nolte 2010: 888–889]. Таким образом, «мирное возвышение» Китая и Индии в обозримом будущем не угрожает современному миропорядку, трактуемому в рамках конфронтационной логики силового уравновешивания, поскольку эти страны не претендуют (и, по объективным причинам, пока не способны претендовать) на роль глобального гегемона.

Гораздо более реальную угрозу международной системе представляет нарушение режима ядерного нераспространения, ломающее установленные правила игры. Несмотря на двойные стандарты для государств, обладающих и не обладающих ядерным оружием, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) даёт гарантии безопасности неядерным странам в обмен на их отказ от разработки военных ядерных программ. Вместе с тем желание обладать «универсальным уравнителем» толкало некоторые правительства (Израиль, Индия, ЮАР, Пакистан, КНДР), опасающиеся международного давления, на создание собственной атомной бомбы.

Эксперты высказывают предположение, что после испытаний пяти индийских и шести пакистанских ядерных взрывных устройств в мае 1998 г. мир ступил на скользкий путь ползучей нуклеаризации [Арбатов, Дворкин 2005: 18]. Демарш Индии и Пакистана, де-факто вступивших в ядерный клуб, может иметь существенное демонстрационное значение для таких государств, как, к примеру, Иран, также претендующих на региональное лидерство. Выстраивать силовое уравнение в условиях «эффекта домино», когда всё больше стран, больших и малых, становятся обладателями оружия массового уничтожения, труднее, чем в доядерную эпоху.

Вместе с тем ядерное оружие эффективно как средство сдерживания, а не агрессии, что позволяет отнести его к оборонительным вооружениям. Показательно, что взаимоотношения Индии и Пакистана, за полвека переживших три кровопролитные войны, после обретения ими ядерного статуса стали заметно сдержаннее. Тем не менее оружие массового уничтожения опасно тем, что в руках безответственных режимов (или, хуже того, террористов) может представлять угрозу как для конкретных стран, так и для всего человечества.

Террористический интернационал становится, пожалуй, самым серьёзным вызовом современному мировому порядку, построенному на балансе сил национальных государств. Он опасен тем, что вносит неизвестную переменную в устоявшееся уравнение, делая его результаты непредсказуемыми. Проблема глобального либерального проекта, поддерживаемого США и их союзниками, заключается не в том, что его осуждают ведущие региональные державы (ни Китай, ни Индия, ни Бразилия не заходят дальше демонстративной антиамериканской риторики), а в том, что ему противостоит альтернативный глобальный проект, основанный на идеях радикального исламизма. Борьба за создание Всемирного Халифата кардинально отличается от тех вызовов, с которыми ранее приходилось сталкиваться державе-гегемону, и требует принципиально иного подхода, нежели классическое силовое уравновешивание (что наглядно показали террористические акты 11 сентября 2001 года).

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов внутреннюю оппозицию, вызревшую в лоне западного (преимущественно европейского) общества. Антиглобалистское движение, хотя и не представляет существенного вызова странам-лидерам, нередко служит «точкой сборки» для разочаровавшейся молодёжи, в том числе и из среды азиатских и африканских иммигрантов, многие из которых пополняют ряды исламистов.

Таким образом, основные угрозы современному миропорядку (по версии сторонников конфронтационного подхода) имеют нетрадиционный (экстерриториальный, сетевой) характер. Попытки стран-лидеров противостоять им в одиночку или в коалиции пока не приносят существенного успеха, что ставит вопрос об эффективности теоретико-методологического инструментария реализма в принятии практических решений, диктуемых сегодняшним днём.

2

Хотя конфронтационная логика всё ещё доминирует в исследованиях международных отношений, понятие «баланс сил» начинает вытесняться категорией «баланса интересов», присущей кооперационной логике взаимодействия. Со второй половины XX века, вслед за развитием процессов европейской интеграции, стали набирать влияние либерально-институциональные теории, проникнутые философией постмодерна. Происходит постепенное размывание «вестфальского порядка – порядка периода европейской модерности, в основе которого лежит принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Постмодернизм нового интеграционного европейского порядка выражается в других принципах организации: прозрачности границ, территориальной дезинтеграции и взаимозависимости» [Гузикова, Победаш 2015: 39]. На практике эта тенденция проявляется в добровольном отказе государств от части своего суверенитета, передаче его с национального на наднациональный уровень. Впрочем, такой высокой степени интеграции достигли пока только страны Европейского Союза; участники других интеграционных объединений не спешат поступиться собственной автономией, оставаясь в рамках межгосударственных договорённостей.

Вместе с тем интенсификация процессов региональной и межрегиональной (макрорегиональной) интеграции, наметившаяся на рубеже веков, свидетельствует о росте взаимного доверия между государствами, ведущей к превращению мировой политики в игру с ненулевой суммой, от которой в той или иной степени выигрывают все участники. При этом исследователи расходятся в том, что именно способствует снижению взаимного недоверия, характерного для конфронтационного миропорядка. Конструктивисты (Александр Вендт, Питер Катценштайн, Марта Финнемор), опираясь на работы Джорджа Герберта Мида, рассматривают в качестве катализатора международного взаимодействия наличие у ряда государств общих ценностей. Институционалисты (Джон Рагги, Лиза Мартин, Теда Скокпол), следуя традиции, заложенной Гуго Гроцием, полагают, что межгосударственное сотрудничество становится возможно благодаря согласованным нормам поведения. Гарантией соблюдения договорённостей в данном случае выступает международное право – ещё один «универсальный уравнитель» великих и малых держав. Функционалисты (Роберт Кеохейн, Джозеф Най-мл., Анн-Мари Слотер), заимствуя идеи Давида Митрани, утверждают, что в основе международного сотрудничества лежат общие интересы.

В конструктивистской версии кооперативного миропорядка на первый план выходят нематериальные факторы, такие как общая идентичность и универсальные (либеральные) ценности. Миролюбивые намерения государств гарантируются не ограничением национальной мощи, а ненаправленностью этой мощи на своих соседей. Безопасность, таким образом, обеспечивается не «от кого-то», а «вместе с кем-то» [Booth, Wheeler 2008: 137–138]. Впрочем, говорить о подобном единодушии можно разве что применительно к Северной Америке и ЕС. Афро-азиатские страны, на словах разделяя общечеловеческие ценности, на деле руководствуются их локальными интерпретациями, что подрывает основы конструктивистского миропорядка. Даже такой универсальный, основополагающий документ, как Всеобщая декларация прав человека (1948), характеризуется наличием апокрифов в виде Африканской хартии прав человека и на-

родов (1981), Каирской декларации прав человека в исламе (1990) и Бангкокской декларации прав человека (1993), каждый из которых вносит в правочеловеческую проблематику нюансы, подчас кардинально меняющие смысл исходного документа.

Например, в Африканской хартии прав человека и народов, принятой Организацией африканского единства (ныне – Африканский Союз) в 1981 году, наряду с правами человека прописаны и его обязанности: «служить своей нации, предоставляя в её распоряжение свои физические и интеллектуальные способности», «трудиться с полной отдачей своих способностей и знаний и уплачивать налоги, предусмотренные законом, в интересах общества», «сохранять и укреплять позитивные африканские культурные ценности в своих отношениях с другими членами общества в духе терпимости, диалога и консультаций и в целом содействовать укреплению моральных устоев общества», «максимально, постоянно и на всех уровнях содействовать достижению и укреплению африканского единства»[3]. Каирская декларация прав человека в исламе, принятая Организацией Исламской конференции (ныне – Организация исламского сотрудничества) в 1990 году, открыто провозглашала шариат единственным источником права, фактически оправдывая дискриминацию людей по религиозному и гендерному признакам. В Бангкокской декларации прав человека, принятой в ходе подготовки ко Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993), осуждается индивидуализм и проповедуются ценности азиатского коллективизма [Ижиков 2012: 185]. Таким образом, теоретики-конструктивисты ступают на зыбкую почву, пытаясь подвести Запад и Восток под общий культурный знаменатель.

Кооперативная система, основанная на международном праве, представляется более устойчивой, чем миропорядок конструктивистский, поскольку межгосударственные договоры, в отличие от таких эфемерных сущностей, как ценности и идентичности, подразумевают однозначную трактовку. В то же время они пишутся государствами и для государств, игнорируя народы, не имеющие собственного представительства (такие, как палестинцы или курды). Приоритет территориальной целостности над правом наций на самоопределение ведёт к тому, что интересы этносов без государственности безнаказанно ущемляются, провоцируя их отстаивать своё право на существование всеми доступными средствами (включая террористические). Масла в огонь подливают двойные стандарты для Косова, Эритреи, Восточного Тимора, Южного Судана, с одной стороны, и Курдистана – с другой. Эти и другие примеры наглядно демонстрируют хрупкость и условность мирового порядка, построенного на международном праве.

Третье направление в исследовании кооперативного миропорядка – функционализм – рассматривает межгосударственное взаимодействие сквозь призму общих интересов. По мнению его представителей, сотрудничество между государствами начинается со взаимодействия между негосударственными субъектами на низовом уровне, постепенно переливающегося в другие сферы. На практике дела обстоят не так радужно, как в теории. Существуют правительства, не желающие или не способные сотрудничать: авторитарные режимы, безответственные и несостоявшиеся государства – «чёрные дыры» в глобализирующемся мире.

Коррупция, репрессии, гражданские войны, геноцид, развал государственности приводят к тому, что тысячи беженцев устремляются прочь, наводняя более благополучные страны, правительства которых вынуждены предпринимать какие-то шаги, чтобы взять ситуацию под контроль. Проблема заключается в том, что «гуманитарная интервенция», даже санкционированная Советом Безопасности ООН (как

[3] Африканская хартия прав человека и народов. Правовая система «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru

в 1990-х годах в Сомали), весьма затратна и не всегда заканчивается успешно, не говоря уже о том, что под её предлогом может осуществляться прямая агрессия против неугодного режима. К сожалению, теория функционализма, сосредоточиваясь на положительных эффектах межгосударственного сотрудничества, не даёт ответ на вопрос, как минимизировать нежелательные последствия «перелива».

При анализе угроз современному миропорядку, основанному на кооперативной логике, на первый план выходит проблематика, которой не касаются классические теории реализма или которая остаётся для них маргинальной (например, проблемы сепаратизма, традиционно относимые к сфере внутренней политики). Возникающие проблемы невозможно решить привычным методом силового балансирования. Для того чтобы перейти от «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) к «диалогу цивилизаций» (Мохаммад Хатами), нужна политическая воля к межгосударственному сотрудничеству, базирующемуся на взаимном доверии.

3

Футуристические концепции обычно выпадают из учебников по международным отношениям, но знакомство с ними необходимо для лучшего понимания интеллектуальной картины современного мира и того порядка, который может прийти на смену существующему. Если прежде международная система определялась игрой с нулевой суммой, в которой суверенные государства выбирали конфронтационную стратегию, а сегодняшняя ситуация выступает игрой с ненулевой суммой, где правительства добровольно инвестируют часть своего суверенитета в международные организации для достижения кооперации, то мировой порядок будущего, по мнению некоторых теоретиков, будет «концом игры», основанным на консенсусе наций, не нуждающихся более в государстве.

Каким именно будет этот мир, футурологи-трансценденталисты представляют по-разному. Федералисты (Дональд Ф. Киз), опираясь на идеи Иммануила Канта о «вечном мире», прогнозируют создание Всемирной Федерации с единым правительством. Приверженцы исторического материализма (Иммануил Валлерстайн, Майкл Кокс, Стивен Джилл) надеются на исполнение пророчества Карла Маркса о падении капитализма и становлении новой исторической формации – коммунистического общества. Анархисты (Ноам Хомский, Даниэль Герен), продолжая дело Пьера-Жозефа Прудона, стремятся к формированию справедливого устройства, в котором соблюдались бы права и свободы индивида.

В данном контексте под вызовами мировому порядку понимаются те глобальные угрозы, которые невозможно нейтрализовать в рамках конфронтационного или кооперативного взаимодействия. Ответы на эти вызовы может дать только консенсусная модель организации международной системы, мобилизующая усилия всего человечества. К числу таких экзистенциальных угроз относятся риски ядерной войны, потенциал изменения климата и сокращения биологического разнообразия планеты, вызовы, связанные с личной безопасностью и нарушением прав человека.

Несмотря на то что ядерное оружие остаётся под контролем ответственных правительств, пока оно существует, сохраняется и угроза его несанкционированного или намеренного применения. Человечество постоянно балансирует на грани ядерного холокоста. Не случайно в преамбуле ДНЯО ставилась задача всеобщего ядерного разоружения. Однако, как упоминалось выше, пока существуют государства, присутствует и угроза войн между ними. Ядерное оружие выполняет функции инструмента стратегического сдерживания, и страны, обладающие им, не спешат от него отказаться. Следовательно, по мнению федералистов, необходимо создать мировое правительство, которое бы взяло такое оружие под свой контроль. В качестве его прообраза предлагалась реформированная ООН [Keys 1973: 37; 39–40].

Предложения о преобразовании универсальной глобальной организации весьма популярны среди афро-азиатских и латиноамериканских государств, хотя и вне федералистского контекста. Развивающиеся страны стремятся лишить пятёрку нынешних постоянных членов Совета Безопасности ООН (по совпадению, легально признанных ядерных держав) монополии на принятие решений по вопросам войны и мира, расширив состав этого органа. В частности, на место новых постоянных членов претендуют Бразилия, Индия и Япония.

Свой вариант реформы Совета Безопасности ООН предлагали Гана, Нигерия, Сенегал и ЮАР, высказывавшиеся за предоставление Африке двух постоянных и двух непостоянных мест. По замыслу инициативной четвёрки новые постоянные члены должны обладать теми же правами и привилегиями, что и нынешние, включая право вето (это предложение, одобренное Африканским Союзом в 2005 году, получило название «Эзулвинийский консенсус») [Злоказова 2008: 59].

Подобные предложения – прямой вызов существующему положению дел, который нынешние ведущие державы игнорировать не могут. Вместе с тем и против выдвигаемых инициатив они не могут выступить открыто: ООН эволюционирует, и потребность в реформе давно назрела. Сумеет ли эта глобальная организация – прообраз мирового правительства – преодолеть кризис роста, покажет время.

Если рассматривать современный мир с позиций исторического материализма, на первый план выходят проблемы построения гармоничных социумов и устойчивого развития. Неомарксисты полагают, что, двигаясь по капиталистическому пути, нынешнее потребительское общество скоро достигнет пределов роста, и начнётся жестокая борьба за ресурсы – углеводороды, продовольствие, питьевую воду. Мир окажется разделён на «золотой миллиард», сосредоточивший в своих руках все земные блага, и бесчисленные массы неимущих, поставленных на грань выживания. Избежать этого пагубного сценария, по их мнению, можно только в случае построения бесклассового общества, живущего в гармонии с природой.

Как отмечал И. Валлерстайн: «Единственный способ, чтобы каждый действительно имел больше, – радикально изменить способ распределения мировых ресурсов по сравнению с тем, что мы имеем сегодня» [Валлерстайн 2001: 385]. В этом направлении уже активно работают организации «зелёных» (легально) и сетевые сообщества антиглобалистов (полулегально), противостоящие транснациональным корпорациям и репрессивной машине государства. Благодаря их усилиям общество начинает осознавать, с какими угрозами ему придётся столкнуться в ближайшем будущем, если ситуация не изменится.

Проблемы устойчивого развития начали попадать в повестку ведущих мировых держав в начале 1970-х годов, когда был опубликован первый доклад Римскому клубу, получивший название «Пределы роста» (1972). В 1980-х годах об опасностях, связанных с изменениями климата, заговорили с самых высоких трибун. С особой заинтересованностью эту проблематику отстаивала Япония – островная страна, чьё будущее напрямую зависит от уровня Мирового океана. В декабре 1997 г. в древней столице страны, городе Киото, был подписан протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, накладывающий ограничения на развитые страны и страны с переходной экономикой по выбросу парниковых газов.

Как отмечал российский японовед Д.В. Стрельцов, «Активная позиция Японии в борьбе с глобальным потеплением сформировалась в тесной связи с долгосрочным курсом правительства на построение “низкоуглеродного общества”... Понятие “низкоуглеродное общество” обозначает новый тип социума с высоким экологическим сознанием и нацеленностью на постепенный отказ от использования ископаемых видов топлива... Становясь законодателем мод в области энергосбережения, Япония добивается того, чтобы её

низкоуглеродные технологии стали использоваться в качестве международного стандарта» [Стрельцов 2011: 55–56]. Однако развивающиеся страны (в частности, Китай и Индия) не разделяют устремлений Японии, полагая, что посредством экологического законодательства развитые страны хотят ограничить экономический рост государств «третьего мира», стоящих на пути экстенсивного догоняющего развития. Несмотря на то что Китай и Индия входят в пятёрку крупнейших эмитентов парниковых газов, они до сих пор воздерживаются от принятия на себя конкретных обязательств по сокращению эмиссии. Два азиатских гиганта, на словах поддерживая идею построения нового, справедливого миропорядка, основанного на принципах гармоничного общества и устойчивого развития, саботируют её на практике.

В одном ряду с неомарксистами, предрекающими постепенную делегитимизацию и отмирание государства, стоят анархисты с их манифестом индивидуальной свободы и приоритета прав личности над обществом. Однако если неомарксистская риторика нередко звучит из уст афро-азиатских и латиноамериканских политиков, то проявление анархических взглядов расценивается ими как подрыв общественных устоев и национальной безопасности государства. Анархистов клеймят как агентов Государственного департамента США, проповедующих либеральные ценности, в корне чуждые незападному обществу. Парадоксально, но в странах Запада их также преследуют за антигосударственную пропаганду.

Вместе с тем анархисты поднимают вопросы, крайне важные для человечества, касающиеся прежде всего неотъемлемых прав личности, которые нередко грубо нарушаются государством (либо с его попустительства). Среди проблем, затрагиваемых анархистами, – бедность, голод, распространение инфекционных заболеваний, вынужденная и нелегальная миграция, торговля людьми, детский труд, секс-индустрия, гендерная дискриминация, политические репрессии. Повестка дня, которую они артикулируют, получает отражение в деятельности таких международных неправительственных организаций, как «Международная амнистия», «Врачи без границ», «Гринпис», а также различных волонтёрских групп.

Международное анархическое движение, действующее в тесной смычке с неомаркистами, представляет серьёзный вызов современному мировому порядку, основанному на взаимодействии суверенных государств-наций, тем, что отрицает суверенитет над личностью. Его идеи несут угрозу, в первую очередь, авторитарным традиционалистским режимам, таким как саудовский или северокорейский; однако они опасны и для менее одиозных государств с богатой культурной традицией, таких как Китай или Иран. Не удивительно, что анархистов повсеместно обвиняют в подрыве общественных устоев. В современном мире они не находят места, их историческое время пока не пришло. Однако идеи, выдвинутые анархистами, прокладывают дорогу в будущее.

Формирование нового, справедливого, консенсусного мирового порядка встречает недвусмысленную оппозицию со стороны государств-наций, не желающих терять своего суверенитета. Ситуации, когда внешняя политика страны проводится не в сиюминутных целях, а в интересах будущих поколений, единичны. Вместе с тем новые, нетрадиционные вызовы современному порядку требуют от человечества консолидированного ответа. Ни США и их союзники, ни развивающиеся страны Азии и Африки, ни государства Латинской Америки или Евразии не смогут справиться с ними в одиночку.

* * *

Процесс становления нового мирового порядка характеризуется рядом тенденций, в осуществлении которых значимое место занимают региональные игроки.

Во-первых, ни одна из развивающихся стран (включая Китай), несмотря на антиимпериалистическую риторику, не представляет угрозы для сложившейся модели,

установленной США и их союзниками. Конфронтационная логика международных отношений осталась в прошлом. Многополярность, провозглашаемая на словах, на деле означает не образование очередного «концерта держав», сплотившихся, чтобы противостоять мировому гегемону, а пакетную сделку, в которой признание единственной сверхдержавой права региональных держав доминировать в своём окружении обменивается на политическую лояльность и поддержку с их стороны.

Во-вторых, подлинную угрозу мировому порядку представляет радикальный исламизм как альтернативный (антилиберальный) глобальный проект, у которого есть чётко сформулированная цель (построение Всемирного Халифата), богатые спонсоры (в первую очередь ваххабитская Саудовская Аравия) и многочисленные последователи по всему земному шару. Исламизм угрожает не только США и их союзникам, но и крупным региональным державам (России, Индии, Китаю – даже, как это ни парадоксально, Ирану). Наличие «исламской ядерной бомбы» у политически нестабильного Пакистана усугубляет ситуацию.

В-третьих, правочеловеческая проблематика занимает всё больше места в мировом политическом дискурсе, в том числе и в отношении «серых зон» неоархаики, о которых отечественный африканист А.И. Неклесса исчерпывающе точно отозвался как о «задворках современной цивилизации» [Неклесса 2000: 53]. В глобализирующемся мире развитым странам уже не удастся отгородиться от проблем глубокого Юга (что связано в первую очередь с неконтролируемой миграцией населения). Им придётся совместно вырабатывать стратегию, направленную на повышение уровня жизни и защиты базовых прав населения «мирового андеграунда» (в частности, Чёрной Африки).

Наконец, *в-четвёртых*, пока рано говорить о полноценном сотрудничестве государств по линии Север–Юг, Запад–Восток. Кооперативный миропорядок только начинает зарождаться. Запад и Незапад пока не выработали не только общей системы ценностей, но и единого представления о её фундаментальных основах (достаточно вспомнить различные трактовки Всеобщей декларации прав человека). На данный момент они существуют в разных системах координат, что препятствует полноценному диалогу. Вместе с тем новые, нетрадиционные вызовы современному порядку, требующие международной кооперации, будут подталкивать различные цивилизации навстречу друг другу.

Список литературы

Баталов Э.Я. К пониманию миропорядка: эволюция концепций // Прогнозы и стратегии. 2009. № 1. С. 22–29.

Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис: Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.

Батюк В.И. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2. С. 80–88.

Богатуров А. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6–23.

Валлерстайн И. Социальные науки и коммунистическая интерлюдия, или интерпретация современной истории // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 371-386.

Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2. С. 21–33.

Гузикова М.О., Победаш Д.И. «World Order», «миропорядок» и «European Disorder»: конкуренция концептов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 13. С. 35–43.

Дегтерёв Д.А. Теоретико-игровой анализ международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.

Ефремова К.А. Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 36–49.

Ефремова К.А. Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // Сравнительная политика. 2016. №.2. С. 5–13.
Иванов И.С. Соперничающие модели и сценарии формирования нового миропорядка: суть и перспективы реализации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2005. № 4. С. 5–14.
Ижиков М.Ю. Культурный релятивизм как проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С. 184–191.
Злоказова Н.Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы // Вестник ВГНА Минфина. 2008. № 2. С. 58–64.
Караганов С.А., Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2012. 80 с.
Кортунов С. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка // Безопасность Евразии. 2007. № 4. С. 230–260.
Лунёв С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика. 2012. № 2(8). С. 90–104.
Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб.: Алетейя, 2000. С. 11–78.
Панченко М.Ю. Реалистская парадигма международного порядка: прошлое и настоящее // Полис: Политические исследования. 2009. № 5. С. 6–17.
Райт Р. Новый мировой порядок // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 8–29.
Сергеев В., Казанцев А. Структуры мирового порядка: историческая типология // Космополис. 2008. № 1. С. 158–171.
Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Возвращение Старого Света и будущее международного порядка в Евразии: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2018. 20 с.
Сирота Н.М. Глобальный миропорядок: акторы и тренды становления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. Т. 4: В 3 ч. Ч. I. С. 157–164.
Стрельцов Д.В. Проблема глобального потепления: политика Японии // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 5. С. 55–62.
Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. 83 с.
Booth, K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. London: Palgrave Macmillan, 2008. 364 p.
Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3-rd edition. New York: Columbia University Press, 2002. 329 p.
Gilpin R. The Theory of Hegemonic War // J. Interdiscip. Hist. 1988. T. 18. № 4. P. 591–613.
Keys D.F. The New Federalists // Worldview. 1973. № 3. P. 37–41.
Nolte, Detlef. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topics // Review of International Studies. 2010. Vol.36. № 4. P. 881–901.

MODELS OF GLOBAL ORDER AND CONTRIBUTION OF REGIONAL PLAYERS

KSENIA EFREMOVA
MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

This paper deals with theoretical approaches to understanding of the contemporary world order. In particular, three approaches are analysed: confrontational fatalist, cooperative mitigationist, and consensual radical, each one with its own logic. The fatalist approach, inherited from the past, is rooted

in the logic of confrontation. According to this logic, mutual distrust among states leads to power balancing and inevitable wars, which make the core of the contemporary world order. The mitigator approach derives from the logic of cooperation among states, which resort to international institutions to mitigate the fear of one another. According to this logic, mutual participation in international regimes and organizations helps to reduce uncertainty in interstate relations. The third approach, aimed to the future, involves the logic of consensus. According to this logic, mutual distrust between nation-states can be transcended by eradication of the nation-state as such. Taken non-Western societies for example, the paper demonstrates how political, economic, social, and cultural challenges transform the contemporary system of international relations, eroding the notion of state sovereignty. At the same time, many countries actively resist these processes by diplomatic means, trying to rescue the Westphalian world order. However, the author suggests that diplomacy may suspend but not reverse the natural process of the Modern world order erosion, which gives way to a new, post-Modern one. The new world order will be based on interdependence, that means nation-states loosing their sovereignty in favour of international institutions. The need of the new world order is proved by global challenges like terrorism, nuclear proliferation, poverty, hunger, epidemics, forced and illegal migration, trade in people, child labour, sex industry, gender discrimination, which no state (including the USA and their close allies) is able to resist on its own.

Keywords:

new world order; non-Western world; security; sovereignty; post-Modernity; Realism; Constructivism; Institutionalism; Neo-Marxism; Anarchism.

References

Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds) (2005). *Yadernoe sderzhivanie i nerasprostranenie* [Nuclear Deterrence and Non-proliferation]. Moscow: Moscow Carnegie Centre. 83 p.

Batalov E.Ya. (2003). «Novyi mirovoi poryadok»: k metodologii analiza [New World Order: Towards a Methodology of Analysis]. *Polis : Politicheskie issledovaniya.* No. 5. P. 25–37.

Batalov E.Ya. (2009). K ponimaniyu miroporyadka: evolyutsiya kontseptsii [Towards Understanging of the World Order: Evolution of Concepts]. *Prognozy i strategii.* No. 1. P. 22–29.

Batyuk V.I. (2010). Postbipolyarnaya retrospektiva mirovogo poryadka [Post-Bipolar Retrospect of World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy.* Vol. 8. No. 2. P. 80–88.

Bogaturov A. (2003) Sovremennyi mezhdunarodnyi poryadok [Contemporary World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy.* Vol. 1. No. 1. P. 6–23.

Booth K., Wheeler N.J. (2008) *The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics.* London: Palgrave Macmillan. 364 p.

Bull H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics.* 3-rd edition. New York: Columbia University Press. 329 p.

Degterev D.A. (2017). *Teoretiko-igrovoi analiz mezhdunarodnykh otnoshenii.* [Game Theory Analysis of International Relations]. M.: Aspekt Press, 2017. 352 p.

Efremova K.A. (2001). Kitai i Indiya v XXI veke: prognozy indiiskikh politologov [China and India in the 21st century: Prognoses of Indian Political Scientists]. *Problemy Dal'nego Vostoka.* No. 4. P. 36–49.

Efremova K.A. (2016). Formirovanie «novogo mirovogo poryadka»: teoreticheskie interpretatsii i prakticheskaya realizatsiya [Towards the New World Order: Theoretical Interpretations and Practical Implementations]. *Sravnitel'naya politika.* No. 2. P. 5–13.

Gilpin R. (1988). The Theory of Hegemonic War. *Journal of Interdisciplinary History,* Vol. 18. № 4. P. 591–613.

Guzikova M.O., Pobedash D.I. (2015). «World Order», «miroporyadok» i «European Disorder»: konkurentsiya kontseptov [«World Order», «miroporyadok» and «European Disorder»: Competition of Concepts]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie».* Vol. 13. P. 35–43.

Ivanov I.S. (2005). Sopernichayushchie modeli i stsenarii formirovaniya novogo miroporyadka: sut' i perspektivy realizatsii [Competing Models and Scenarios of the New World Order: Their Meaning and Prospects for Realisation]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki).* No. 4. P. 5–14.

Izhikov M.Yu. (2012). Kul'turnyi relyativizm kak problema vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v oblasti zashchity prav cheloveka [Cultural Relativism as a Problem of Interaction between International and Domestic Law on Human Rights]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki.* No. 1. P.184–191.

Karaganov S.A., Barabanov O.N., Bordachev T.V. (2012) *K Velikomu okeanu, ili novaya globalizatsiya Rossii* [Towards the Great Ocean, or the New globalization of Russia]. Analiticheskiy doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai". 80 p.

Keys D.F. (1973). The New Federalists. *Worldview*. March. P. 37–41.

Kortunov S. (2007). Krushenie Vestfal'skogo mira i stanovlenie novogo mirovogo poryadka [Perish of the Westphalian World and Formation of the New World Order]. *Bezopasnost' Evrazii*. No. 4. P. 230–260.

Lunev S.I. (2012). Indiya kak odin iz novykh tsentrov global'nogo vliyaniya [India as One of the New Centers of Global Influence]. *Sravnitel'naya politika*. No. 2(8). P. 90–104.

Neklessa A.I. (2000). Postsovremennyi mir v novoj sisteme koordinat [Post-Modern World in a New Frame of Reference]. In *Global'noe soobshchestvo: novaya sistema koordinat (podkhody k probleme)*. St. Petersburg: Aleteiya. P. 11–78.

Nolte D. (2010). How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topics. *Review of International Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 881–901.

Panchenko M.Yu. (2009). Realistskaya paradigma mezhdunarodnogo poryadka: proshloe i nastoyashchee [The Realist Paradigm of International Order: Past and Present]. *Polis: Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 6–17.

Sergeev V., Kazantsev A. (2008). Struktury mirovogo poryadka: istoricheskaya tipologiya [Structures of World Order: Historical Typology]. *Kosmopolis*. No. 1. P. 158–171.

Silaev N. Yu., Sushentsov A.A. (2018). *Vozvrashchenie Starogo Sveta i budushchee mezhdunarodnogo poriadka v Evrazii* [The Return of the Old World and the Future of International Order in Eurasia]. Analiticheskiy doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai". 20 p.

Sirota N.M. (2013). Global'nyi miroporyadok: aktory i trendy stanovleniya [Global World Order: Actors and Formation Trends]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. T. 4, v 3 ch. Ch. I. P. 157–164.

Strel'tsov D.V. (2011) Problema global'nogo potepleniya: politika Yaponii [The Problem of Global Warming: Japanese Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 5. P. 55–62

Voskresenskii A. (2004). Kitai v kontekste global'nogo liderstva [China in the Context of Global Leadership]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 2. No. 2. P. 21–33.

Wallerstein I. (2001). Sotsial'nye nauki i kommunisticheskaya interlyudiya, ili interpretatsiya sovremennoi istorii [Social Sciences and Communist Interlude]. In *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire*. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. P. 371–386.

Wright R. (2003). Novyi mirovoi poryadok [New World Order]. *Otechestvennye zapiski*. No. 6. P. 8–29.

Zlokazova N.E. (2008). Reforma Soveta Bezopasnosti OON: osnovnye stsenarii i problemy [UN Security Council Reform: Basic Scenarios and Problems]. *Vestnik VGNA Minfina*. No. 2. P. 58–64.